

РУДЕНКО Д. И.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ РЕФЕРЕНЦИИ

Целью данной статьи является обоснование трактовки собственных («единичных») имен как категории, основывающейся на таких естественно-языковых процессах номинации, концептуализации, семантического отражения действительности, которые существенным образом отличны от одноименных, зачастую представляющихся аналогичными процессов, протекающих в сфере имен других типов. Основная идея работы состоит в том, что логико-семантические процессы, проявляющиеся в сфере собственных имен, более всего сходны со специфическими процессами референции осуществляющейся с помощью так называемых «эгоцентрических слов», т. е. дектических единиц естественного языка. В качестве приблизительных формальных аналогов этих процессов можно рассматривать понятие «функции актуальной интерпретации» (в смысле Монтегю) и понятие «жесткого десигнатора» (в смысле Крипке). Выдвигаемая трактовка собственных имен, таким образом, тесно связана с концепцией референции и именования, представленной в современной модально-логической семантике, прежде всего с той разновидностью данной концепции, которая развивается в работах С. Крипке и его последователей и более всего ориентирована на исследование семантики естественного языка.

*

Среди различных именных категорий в лингвистике, как и во многих направлениях логики, наибольшее внимание уделяется собственным именам. Ни общие, ни абстрактные, ни собирательные имена (вполне представительные логико-лингвистические типы имен), ни нарицательные имена вообще не связаны с особой отраслью лингвистической науки, которая занималась бы изучением лишь одного из данных классов. Собственные же имена соотносятся с отдельным, достаточно четко отграниченным от других разделом лингвистики. Это ономастика, само название которой содержит в своей внутренней форме общее обозначение имени (др.-греч. *ὀνομα*).

Вместе с тем ни одна именная категория не порождает такого количества разноречивых точек зрения на ее природу, как собственное имя. Традиционным для работ по ономастике стало указание на нерешенность большого числа проблем собственных имен. При этом немалые затруднения до сих пор вызывает само определение данных языковых единиц, в некоторых случаях — и выявление состава соответствующей категории [1, с. 37—39, 200]. Понятно, что граница класса собственных имен определяется по отношению к границам других именных классов. Однако основные трудности здесь все же идут не от нарицательных имен или каких-

либо их подклассов, а от имен собственных. Так, общие имена, которые наиболее часто непосредственно противопоставляются собственным, могут трактоваться как обозначения предмета вообще, класса предметов в целом, неопределенного предмета (предметов), входящего в некоторый класс [2, с. 15]. Тем не менее независимо от того, какая точка зрения из данных будет выбрана (по-видимому, наиболее близка к действительности последняя: общие имена естественного языка содержат в своей семантике значение дискретности, отражающее разложимость класса на отдельные элементы [3]), правомерность самого применения к общим именам понятия «общего», прежде всего «общего признака» или по крайней мере «общего значения», особых сомнений не вызывает. Даже такие общие имена, значение которых нельзя представить через набор отдельных дифференциальных признаков,— это «имена естественных классов»: слова типа *тигр*, *овчарка*, *береза*, *тюльпан* — все же обладают обобщающей семантикой. Значение таких имен сводится к целостному чувственному образу объекта. в основной тенденции — к образу обобщенному [3, с. 45—47; 4, с. 27—30].

В сфере единичных имен ситуация оказывается несколько иной. Описание собственных имен через категории «единичного» и/или «индивидуального» («единичное» обычно трактуется как важнейший аспект индивидуального или его необходимое проявление) порождает немало затруднений. Ср. одно из последних определений собственных имен, достаточно типичное и на первый взгляд вполне приемлемое: «Собственное имя дается отдельным объектам, принадлежащим к определенному классу вещей, индивидуально выделяемым из этого класса» [5]. По другой дефиниции, собственные имена представляют собой «отдельные слова и слова в словосочетаниях, которые служат для именования индивидуальных, вычлененных из данного вида объектов» [1, с. 38]. Сходная точка зрения может выразиться и в психологизированном виде: «имя собственное дается индивидуальному объекту, воспринимаемому как единственный в своем роде» [1, с. 16]. Возникает, однако, вопрос: с помощью каких лингвистических механизмов осуществляется или по крайней мере фиксируется индивидуализация объекта, являющегося денотатом собственного имени?

Познание объекта как уникального, индивидуально неповторимого вызывает немало затруднений. В частности, его очень сложно достигнуть лишь через соотнесение с предметом тех или иных отдельных, тесно не связанных друг с другом признаков, которые были бы «единичными» по своему содержанию. «Простые признаки», т. е. признаки, не являющиеся комбинацией других, во всяком случае — не осознаваемые в качестве такой комбинации (о психологической реальности понятия «простого признака» см. [6, с. 23, 114, 155]), в познании часто тяготеют к обобщению, отождествлению с однотипными признаками других предметов. Как отмечает, например, Э. К. Лиепинь, «формально всякий конкретный единичный признак может быть переведен в статус общего» [7, с. 147]. Объективную основу этой возможности составляет тот факт, что различие признаков может являться в большей мере количественным, чем качественным: свойство имеет не только качественную сторону, но и обладает определенной величиной [8]. Свойство того или иного типа обладает потенциально бесконечным числом количественных градаций, «оттенков», входящих в сферу общей категории. В свою очередь эти «оттенки» далеко не всегда четко различаются человеческим сознанием и часто мысленно сводятся к общему типу.

Действительная индивидуализация отдельного предмета возможна через соотнесение с ним системы признаков, которые в своей совокупности как бы гарантируют индивидуальность объекта. Практическая необходимость в индивидуализирующем познании предмета возникает тогда, когда он не может быть заменен любым другим предметом того же класса. (Объекты обозначения собственных имен обычно воспринимаются именно таким образом). Осуществление процедуры индивидуализации, однако, не требует (и, очевидно, не может требовать) учета бесконечного числа признаков конкретного объекта. «Идея индивидуального в своем рациональном выражении предполагает выбор некоторого ограниченного числа параметров, по которым данная вещь противопоставляется другим» [7, с. 151]. Это означает, что процедура познания индивидуального имеет в своей основе системное знание, своего рода схему, определяющую те направления, по которым осуществляется рассмотрение единичного.

Таким образом, познание индивидуальности объекта представляет собой достаточно сложный процесс. (Характерно, что во многих науках обоснование необходимости индивидуализирующей ориентации познания было дано сравнительно недавно [9].) Оправданно поставить вопрос: может ли такая процедура в сколько-нибудь полном виде осуществляться или фиксироваться в языковой семантике, в частности, формировать смысловое наполнение собственного имени? Ответ будет отрицательным: в значении словесных знаков естественного языка обычно отражается обобщенное, не теоретическое (системное), относительно несложное знание. Предполагать, что собственное имя способно фиксировать совокупность параметров, дающих целостное представление об объекте как системе (ведь даже к исходным средствам индивидуализирующего подхода относятся главным образом системные понятия), значит существенно преувеличивать возможности языковой семантики¹.

Выше мы приводили такие дефиниции собственных имен, в которых они трактуются главным образом в признаковом плане, через индивидуальную выделенность из класса. Однако затруднения часто возникают и при определении собственного имени через другие элементы «семантического треугольника» — денотат или знак. Так, распространенное суждение о том, что собственные имена обозначают единичные объекты, порождает ряд довольно сложных вопросов (особенно в тех случаях, когда данное определение рассматривается как самодостаточное): всегда ли собственные имена называют такие объекты, в каком смысле (по отношению к какому классу) эти объекты являются единичными, какие языковые механизмы обеспечивают референцию собственного имени к «единичному объекту», являются ли эти механизмы семантическими, какие формальные признаки собственных имен обуславливают их приложимость к «единичным объектам» (относятся ли, например, собственные имена к именам *singularia tantum*)? Определение собственных имен как «индивидуальных (единичных) обозначений» также не безупречно: с его помощью трудно объяснить, например, многочисленные в реальных языковых сообществах случаи совпадения имен у различных объектов, а также решить дру-

¹ Однотипная ситуация обнаруживается, например, при применении к материалу естественного языка логической категории «пустых имен». «Пустое имя» не обладает естественно-языковым статусом: существование в языке особого, формально выделенного класса обозначения вымышленных объектов означало бы, что в лексической семантике фиксируется последовательная научная классификация, в которой различаются реальные и фантастические объекты. Однако такое положение дел кажется априорно невозможным и не подтверждается конкретно-языковым материалом [10].

гие вопросы, названные выше, особенно те, которые относятся к смысловой природе единичных имен.

Некоторые исходные положения теории собственного имени, таким образом, не являются лингвистически и логически бесспорными, содержат в себе ряд нерешенных (иногда и не поставленных) проблем. Если принять во внимание существование очень большого, практически необозримого массива работ, посвященных собственным именам, можно заключить, что основной задачей ономастики сейчас должно являться не столько вовлечение в оборот нового фактического материала, сколько более полное осмысление уже имеющихся фактов и сформулированных точек зрения. Однако для этого необходимо не просто модифицировать те или иные частные дефиниции и понятия, а попытаться уточнить общий подход к собственным именам. До сих пор они часто трактовались именно и только как имена, в семантическом или, скорее, в семантико-денотативном плане, т. е. лишь с помощью понятий типа «единичная идея», «единичный признак», «совокупность единичных признаков», «единичный (индивидуальный) концепт», «единичный объект». Это семантическая парадигма «филологии языка» — «философия имени» [11, с. 9—12].

Чисто именной подход к собственным именам предполагает, что противопоставление единичных и общих имен является вполне симметричным и базируется на едином основании — типе отражаемого признака (реже — типе называемого объекта, «единичного» или «общего»). Дж. Локк, например, писал: «Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место (*empty cabinet*), и, по мере того как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, подвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен» [12]. Подобная точка зрения обладает некоторым изяществом и разделяется рядом современных исследователей (см., например, [13]). Вместе с тем и в общепознавательном, и в лингвистическом плане она не является приемлемой. Это очевидно проявляется при соотношении лингвистической оппозиции «единичное / общее имя» с философской оппозицией «единичный / общий признак».

В диалектическом материализме единичное и общее трактуются как стороны, «моменты» (но не «элементы») отдельного. Из этого следует, что разделение признаков на единичные и общие не является абсолютным, раз и навсегда данным. Говоря об относительности границы между единичным и общим, ее зависимости от способа рассмотрения объекта, единичное и общее обычно понимают в познавательном плане. Характерно, однако, что даже объективное, онтологическое единичное и общее имеют в своем определении гносеологические элементы. Единичное, в частности, понимается как признак данного отдельного элемента класса, находящийся в отношении отличия к признакам всех других элементов того же класса, или (с использованием абстракции отождествления) как признак, присутствующий только одному элементу класса [14]. Другими словами, определение признака как единичного зависит от определения границ класса, в который входит обладающий «единичным признаком» объект. Расширение данных границ, рассмотрение предмета как элемента более широкого множества может трансформировать единичный — онтологически единичный — признак в общий.

Отдельный объект может быть описан именно через единичные признаки (в их единстве с общими), если он однозначно отнесен к определенному классу: «Признак только тогда ясно и недвусмысленно охарактеризован как единичный, общий, особенный или всеобщий, когда фикси-

рован класс объектов, по отношению к которому он выбран в качестве такового» [15]. (Этот класс не должен быть универсальным, включающим все актуально существующие объекты [15]. Признаки отдельного объекта, рассматриваемого в качестве элемента универсального класса, являются главным образом общими.) Можно заключить, таким образом, что для собственных имен развернутая индивидуализация через единичные признаки маловероятна: данные имена ориентированы на обозначение объектов, прямо и/или однозначно не включаемых в определенный класс. Выше тезис, в соответствии с которым у собственных имен естественного языка отсутствует связь с явлением последовательной индивидуализации объектов, обосновывался через общие представления о природе языковой (лексической) семантики, со ссылкой на относительную простоту, нетеоретичность фиксируемого в такой семантике знания. Сходный вывод, однако, может быть сделан и при рассмотрении специфики самих собственных имен, в их связи с некоторыми познавательными закономерностями.

В концепции С. Крипке и солидаризирующихся с ним логиков важное место занимает критический анализ трактовки собственных имен как выражений, синонимичных некоторому множеству идентифицирующих дескрипций, обычно фиксирующих существенные признаки объекта [16, с. 255—260; 17]. Среди сторонников дескрипционистского подхода к именам основными противниками Крипке являются Фреге и Рассел (хотя, возможно, это не вполне справедливо, особенно применительно к Расселу [18; 4, с. 22—23]). Теперь становится более очевидным, что критика «принципа уникально идентифицирующих дескрипций», которая во многих случаях ведется отчасти с психологических позиций (незнание говорящими таких дескрипций, неспособность сформулировать их, возможность ошибок в соотнесении дескрипций с именами), имеет под собой не только общие логико-лингвистические основания.

Ряд исследователей считает, что индивидуализация предмета часто (а в абстрактном мышлении — всегда) осуществляется вообще без соотнесения с объектом каких-либо единичных, присущих только ему признаков. Действительно, достаточно объемный (и, что даже более важно, хорошо организованный, отражающий значимые для объекта признаки) набор общих свойств в большинстве случаев способен гарантировать отличие данного предмета от других [19]. При таком подходе к индивидуализации возможность отражения этой процедуры в семантике собственных имен становится еще более сомнительной. Элементы обобщения в значении данных имен явно факультативны и, тем более, не образуют системы.

В сфере собственного имени могут существовать соответствия между именами и теми или иными классами действительности, для называния элементов которых они употребляются. Практически в каждом языковом социуме, например, представлены относительно устойчивые группы имен для обозначения людей, с одной стороны, и животных различных видов, с другой. Сходные отношения могут проявляться и формально. Так, во многих языках классифицирующие смыслы в семантику собственных имен человеческих существ вносят грамматические показатели рода (мужского и женского). Обобщающие значения у собственных имен, однако, являются не «целью», основным содержанием их семантики, которое целенаправленно передавалось бы другим носителям языка, а скорее «средством», способом предварительного определения общего типа объектов, которые могут именоваться с помощью данных слов. Хотя в русском языке собственные имена мужчин обычно содержат грамматический

показатель мужского рода и, естественно, употребляются для обозначения людей, их нельзя использовать для называния ни мужчин как таковых, ни людей вообще. Случаи, когда какое-либо собственное имя приобретает подобные свойства, являются теми исключениями, которые подтверждают правило. Так имя *Иван* иногда может употребляться для обозначения русского, *Джон* — англичанина, *Жан* — француза и т. д. потому, что эти слова являются наиболее распространенными личными (мужскими) именами в соответствующих языковых сообществах (или, точнее, осознаются как наиболее распространенные имена). Значение здесь явно производно от употребления. Собственные имена, приобретающие некоторые свойства общих имен, приобретают их благодаря речи (в широком смысле), а не системе языка.

Общее имя является общим постольку, поскольку оно фиксирует (расчлененно или в целостном образе) некоторые общие свойства класса отдельных объектов. Однако единичное имя является единичным, собственным не потому, что в его семантике сколько-нибудь последовательно отражаются единичные признаки объектов, а скорее потому, что в ней последовательно не фиксируются признаки общие. (В этом смысле единичные имена точнее называть не-общими.) В таком случае возникает вопрос: каким же образом собственные имена естественного языка все же осуществляют, и вполне успешно, функции именования и референции? Сама постановка такого вопроса является своего рода имплицитным обоснованием необходимости перехода в рассмотрении собственных имен от именной (семантической, «признаковой») парадигмы к парадигме иного типа. Наиболее серьезную конкуренцию чисто именному подходу к собственным именам может составить прагматический подход.

*

Развернутое изложение прагматической концепции собственных имен содержится в современной модально-логической семантике. Здесь мы уделим основное внимание тому ее направлению, которое в наибольшей мере опирается на факты естественного языка и развивается в работах С. Крипке, Х. Патнэма, С. Шварца, Д. Даути, Б. Холл Парти, ряда других логиков.

Роль исходного противопоставления в конструируемой этими исследователями системе языковых единиц выполняет оппозиция жестких и нежестких десигнаторов. Жесткий десигнатор трактуется как языковое выражение, способное обозначать (и почти всегда обозначающее) один и тот же объект во всех возможных мирах; нежесткий, или случайный, десигнатор — как выражение, не обладающее такой способностью. Из того, что *a* и *b* — жесткие десигнаторы, следует, что если суждение тождества $a = b$ является истинным, оно является также необходимо истинным. Если же *a* и *b* — нежесткие десигнаторы, подобное следование отсутствует. Собственные имена включаются в класс жестких десигнаторов (к которому относятся также имена естественных классов). В качестве нежестких десигнаторов рассматриваются «имена номинальных классов» (слова типа *холостяк*, *профессор*, *лингвист*) [16, 20]. Одновременно в концепции Крипке и его сторонников отчетливо намечается тенденция к трактовке большинства или даже всех без исключения имен в качестве жестких обозначений. По Крипке, «знак любого языка, не являющийся жестким десигнатором, настолько не похож на имя обычного языка, что его нельзя назвать „именем“» [20, с. 5]. Только немногим менее радикальна позиция Патнэма [21].

В теории жесткого десигнатора предполагается, что закрепление имени за предметом почти всегда происходит по случайным свойствам объекта, не образующим какой-либо системы дескрипций, или просто через указание на объект. Функционирование имени в разных ситуациях и у разных носителей языка без нарушения единства референции возможно благодаря непрерывности причинной (каузальной) цепи, идущей от первого употребления имени (от ситуации «крещения объекта») к последующим употреблениям [16] (в другой терминологии употребление собственного имени основывается на отношении «исторического объяснения» [17]). Использование имени не предполагает знания существенных и/или идентифицирующих свойств обозначаемого им объекта, знания подавляющего большинства свойств объекта вообще.

Стремление логиков и философов, разрабатывающих концепцию жестких десигнаторов, полностью или почти полностью исключить из анализа имени понятие существенного (идентифицирующего) признака порождает довольно многочисленные лингвистические импликации. В частности, трактовка имен в качестве жестких десигнаторов оказывается в наибольшей мере применимой к собственным именам (и в меньшей мере — к именам естественных классов [4]).

Собственные имена, не обладая обобщающим и общим для различных носителей языка значением, в то же время ориентированы на отнесенность к одному объекту (уточним — одному не в рамках всего социума, а в рамках конкретной ситуации именования). Эта ориентация, однако, не является безусловной, вполне жесткой. По этой причине случаи, в которых обозначается более чем один объект с одинаковым собственным именем (*Я знаю двух Дим, В нашем городе мало Ивановых*), не могут считаться примерами перехода собственных имен в класс общих: у единичных имен в таких употреблениях не развиваются обобщенные смыслы (обладание именем представляет собой метаязыковой, а не отражательно-семантический признак). Однако собственное имя, используемое для обозначения нескольких или многих объектов одновременно, все же утрачивает свою важную, даже наиболее важную функцию — способность идентификации референтов. Ср., например, два варианта ответа на вопрос *Кто к нам пришел?*: — *Таня* и — *Тани*. В последнем случае собственное имя однозначно не отождествляет объект и просто выделяет группу людей, носящих одинаковое имя. Необходимой (хотя и не достаточной) предпосылкой отождествления объекта с самим собой является его отдельность, отделенность от остального мира и следовательно, его единичность. [Характерно, что эксплицитное выражение единичности референта собственного имени также лишает его способности отождествлять объект (ср.: *Ко мне пришла одна Таня, а не две*). Это объясняется тем, что единичность объекта в таких случаях рассматривается не как важное условие использования собственного имени, а только как одна из возможных числовых характеристик его референта.]

Собственные имена, таким образом, можно рассматривать как своего рода *singularia tantum*. Однако они значительно отличаются от типичных *singularia tantum* — абстрактных и вещественных существительных, плюрализация которых всегда порождает достаточно явный сдвиг в значении. Ограничения на использование собственного имени во множественном числе, шире — их исчисление носят не чисто семантический, а семантико-прагматический характер. Само значение единичности у собственных имен тесно связано с явлением отождествления обозначаемых данными именами объектов, которое является внесемантическим по сво-

ему характеру. Сема единичности у собственных имен по этой причине также приобретает прагматический оттенок.

«Единичный объект», который называет собственное имя, является единичным не в том смысле, что он последовательно соотносен с какими-либо единичными (как, впрочем и общими) признаками, особым образом выделен из класса, а в том смысле, что он рассматривается вне прямой и/или четко прослеживаемой связи с определенным классом. Признаки же единичного объекта, прямо не включаемого в тот или иной конкретный класс, не могут расцениваться в качестве существенных. В противном случае нужно было бы признать существенным любое, даже самое незначительное свойство предмета, т. к. без любого свойства предмет не был бы тем, что он есть [22] (об особенностях трактовки «существенных признаков» в концепции Крипке см. [4, с. 23—24]).

Основной для единичных имен является функция референции, а не характеристизации. Инвариантное значение собственного имени сводится к представлению общей возможности референции, но не к сколько-нибудь детальному и однозначному определению ее условий. Помимо чисто грамматических смыслов и значения единичности (довольно сложного по своей природе), в сферу узуально-языковых элементов собственных имен входит только указание на тип сущностей, для именованния которых обычно употребляется имя (в лингвистических терминах — указание на «ономастическое поле»).

Значение собственных имен, как оно определено выше, обнаруживает определенное сходство со значением деклических элементов языка, местоимений. С точки зрения системно-языковой семантики местоимения не являются пустыми, лишенными каких-либо узуальных, внеречевых смыслов словами. Они могут, например, содержать дифференциальные признаки определенности/неопределенности, лица, рода, числа и т. п. В семантике местоимений реализуются и еще более общие противопоставления, например, оппозиция «субъективное—объективное» [23, 24]. При этом, однако, все эти смысловые элементы служат одной цели — определению типа объектов, которые местоимение может обозначать через их отношение к тем или иным элементам контекста или реального речевого акта (конситуации). Местоимение прямо не называет общий тип (типы) предметов, отраженный в его значении, но лишь указывает на него, отсылает к нему. Важнейшим свойством местоимений, объединяющим все их многочисленные разновидности, оказывается свойство референции. Многие деклические слова способны также служить средством идентификации объектов (хотя обычно эта идентификация осуществляется в пределах сравнительно небольших временных отрезков).

Мысль о наличии общих свойств у местоимений и собственных имен, пока не ставшая тривиальной, все же не является абсолютно новой ни для лингвистики, ни для логики. Более или менее развернутые замечания о сходстве собственных имен и деклических выражений представлены в работах ряда исследователей (Б. Бозанке, Л. Стеббинг, Г.-Н. Кастапьеда, А. Нурен, Э. Бюиссанс, П. Кристоферсон, К. Тогёбу), см., например, [25]. В общем виде это связано с тем, что местоимения естественного языка выполняют роль, сходную с ролью логических переменных — сингулярных терминов [26]. Сходство единичных имен и деклических выражений иногда постулируется и в рамках теории жестких десигнаторов. С. Шварц, например, указывает, что для местоимений, демонстративов и собственных имен концептуальный подход, в котором слово представляется через совокупность идентифицирующих дескрипций, является по меньшей мере неудобным [27].

Априорно можно предположить, что концепция жестких десигнаторов, входящая в сферу модальной логики и соотносящаяся с прагматической (дектической) «философией языка», объективно позволяет вывести некоторые основания для сближения местоимений и собственных имен. Правда, рассмотрению самих местоимений в ней уделяется немного места. Крипке, определяя жесткие десигнаторы как имена одного и того же объекта во всех возможных мирах, не вводит в их анализ понятие «контекста употребления», без которого дектические выражения не могут быть адекватно описаны (ср., например, позицию Р. Монтегю [28, с. 112]). Жесткие десигнаторы в их каноническом понимании обычно рассматриваются вне зависимости от эпистемологических, в том числе контекстуальных, факторов. Основным понятием, характеризующим данные имена, является понятие материального тождества объекта самому себе, тождества, сохраняющегося в каждом возможном мире [4, с. 24]. Если исходить из понимания модальностей как чисто гносеологических сущностей, концепция Крипке — точнее, ее исходная версия, отраженная в лекциях начала семидесятых годов, — является отчасти амодальной (хотя, конечно, не антимодальной). Как отмечает В. В. Целищев, Крипке придает модальностям метафизический (онтологический) статус и лишает их эпистемологической интерпретации [29] (ср., например, тезис Крипке о том, что случайные свойства объектов могут быть априорно известными).

Понятие «жесткого десигнатора» само по себе прямо не соответствует специфике собственных имен естественного языка. Хотя главной для собственных имен является функция референции и они лишены развитого обобщенного значения, употребление данных языковых единиц необходимо предполагает (как и употребление любых других слов) соотнесение их с некоторыми психическими (шире — гносеологическими) сущностями, представленными в сознании носителей языка (говорящего и слушателя). Собственные имена можно сравнивать с «метками» (что сопоставимо с пониманием их как жестких десигнаторов), но все же они физически («жестко» или хотя бы «нежестко») не прикрепляются к объектам и приобретают референцию только благодаря участию в процессе именования являющих существ — носителей языка. Нет оснований думать, что при использовании собственных имен мы «отключаем» свое сознание.

Вместе с тем лингвиста в наибольшей мере интересуют не многообразные, теоретически неисчерпаемые психологические вариации, с которыми сопряжено употребление языковых единиц, а общие, системные свойства лингвистических категорий, так или иначе определяющие специфику их использования в речи. Концепция Крипке объективно (хотя возможно, не вполне осознанно) ориентирована именно на обнаружение внеречевых свойств имени. При экстраполяции теории Крипке на материал естественного языка гносеологическая бедность жестких десигнаторов находит соответствие в семантической бедности как собственных имен, так и местоимений, рассматриваемых в их узально-языковом аспекте: для данных категорий характерна семантическая связанность не с языком в узком (сосюрковском) смысле (*la langue*), а главным образом с речью (*la parole*). (Это, разумеется, не значит, что собственные имена относятся исключительно к *la parole*, как полагает Г.-Н. Кастаньеда [30].) Понятие «жесткого десигнатора», таким образом, представляет ценность для анализа явлений естественного языка.

Отметим, что в работах конца семидесятых годов Крипке вводит и подробно разрабатывает речевое по своей природе понятие «референции

говорящего», которая определяется как специфическое, соотносимое с конкретными обстоятельствами (on a given occasion) намерение (интенция) говорящего осуществить референцию к некоторому объекту. Семантическая референция трактуется как общая интенция говорящего к осуществлению референции, не зависящая от обстоятельств употребления десигнатора [31, с. 15]. Возможно, было бы проще описать это различие с помощью лапидарной формулировки К. Доннелана — «People refer and expressions refer» [32], но это не совсем то, что имеет в виду Крипке. Последний включает указание на говорящего даже в понятие семантической референции, как бы компенсируя проявлявшееся в его более ранних работах невнимание к этому аспекту языка. Такой подход дает возможность обнаружения взаимосвязей семантической референции и референции говорящего, трактовки их взаимодействия и даже совпадения как вполне закономерных для языка явлений. Характерно, например, что, по Крипке, дектические элементы языка служат средством сближения двух типов референции: «Если десигнатор... содержит индексикалы, демонстративы и т. п., мы должны говорить о семантическом референте, связанном с обстоятельствами употребления. Референт будет определяться конвенциями языка во взаимодействии с намерениями говорящего и различными контекстуальными факторами» [31, с. 14]. Позиция «позднего Крипке» имеет черты сходства с развитой Р. Монтегю трактовкой значений как функций от возможного мира и контекста употребления, служащих целям актуальной интерпретации выражений («значения» у Монтегю противопоставляются «смыслам» как интенциональным сущностям) [28, с. 112—113] (детальный анализ точки зрения Монтегю см. [11, с. 253—254]).

Рассматривая собственные имена как особые дектические (эгоцентрические) слова, нельзя упускать из виду существование значительных различий между собственными именами и чисто дектическими выражениями. Местоимение получает в речи конкретное семантическое наполнение через контекст, в котором оно употребляется, или ситуацию, в которой оно встречается, конситуацию. Контекст в большинстве случаев ограничивается несколькими предложениями (часто и одним предложением), а конситуация — непосредственными условиями использования слова. Сближая с местоимениями собственные имена, мы тем самым предполагаем, что и для них контекст играет особо важную роль. Однако этот контекст качественно отличен от контекста, в котором функционируют местоименные единицы языка. Он в большей мере формируется не обстоятельствами употребления слова или его лексическим окружением, а обстоятельствами (в той или иной мере осознаваемыми носителями языка) существования объекта, который называет имя.

Как представляется, контексту местоимений в большей степени соответствует понятие «узкого», «лингвистического» контекста, а контексту собственных имен — понятие контекста «широкого», «исторического», «социально-культурного». Характерно, что почти все исследователи ономастики указывают на гораздо большую, чем у существительных других типов, зависимость собственных имен (как диахроническую, так и синхроническую) от экстралингвистических факторов. Исследование единичных имен с помощью понятия «широкого контекста» позволяет сблизить логико-лингвистический и социолингвистический (имя как социальный знак [33]) подходы к собственному имени, которые пока имеют относительно немного общих черт. Например, при трактовке собственных имен в рамках дектической парадигмы «философии языка» многочисленные

почти во всех реальных языковых сообществах случаи совпадения имен у разных объектов должны пониматься не как проявление «логической непоследовательности» языка, а как явление, столь же естественное, как использование одного местоимения для обозначения различных объектов в различных ситуациях. Контекст большинства собственных имен формирует знание об объектах, которые не обладают всеобщей или хотя бы достаточно широкой известностью. Это является определенной гарантией непересечения контекстов одинаковых по форме имен. Если же пересечение все же происходит, различение референтов осуществляется через отдельные элементы данных контекстов, т. е. через то знание, которое носитель языка может использовать для разграничения объектов.

Описание собственных имен через «широкий контекст» может быть сближено и с логической трактовкой данных имен как жестких десигнаторов: контекст, не ограниченный непосредственными обстоятельствами употребления слова, отражает различные аспекты существования объекта — различные «возможные миры», в которых представлен объект. Положение о жесткой десигнации собственных имен находит соответствие в «жесткой», длительной или вечной закреплённости имен за их носителями. Конечно, исключений здесь достаточно много («детские», «артистические», «семинарские», «монашеские», «шпионские» и т. п. имена, перемена имен по эстетическим соображениям). Однако все же тенденция к соотносению с взрослым человеком, социальный статус которого не подвергается резкому изменению и имя которого не вызывает интенсивных отрицательных коннотаций, одного и того же имени на всем протяжении его существования является вполне реальной.

Широкая трактовка контекста единичных имен может порождать опасность сведения его к бесконечности, потенциально неограниченному числу признаков объекта. Для того, чтобы обосновать лингвистическую значимость контекста, который определяет семантическое наполнение собственных имен, необходимо ввести указание на релеативность этого контекста по отношению к говорящему (а отчасти — и по отношению к тому, кто воспринимает сообщение с собственным именем). Как отмечает Ю. С. Степанов, «... собственное имя индивида является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида — „Я“, который обозначает первого» [11, с. 234]. Формально это проявляется в варьировании формы собственного имени в зависимости от позиции и статуса говорящего в ситуации общения. (Излишне говорить, что указание на говорящего, реже — и на адресата, входят также в семантику местоимений.) То, какое содержание соотносит носитель языка с собственным именем, зависит от характера и объема имеющихся у него знаний об обозначаемом объекте, значимости объекта для говорящего или слушателя, условий, в которых произошло знакомство с объектом, обстоятельств и продолжительности этого знакомства, содержания высказывания или текста, в котором употреблено имя, просто от актуального психологического состояния носителя языка. Концепцию жесткого десигнатора в принципе можно совместить с трактовкой собственного имени через понятие коммуникативного намерения (интенции) говорящего [34] или даже через понятие дескрипций, которые говорящий соотносит с именем. Однако это допустимо лишь в том случае, если учитывать особый характер подобных дескрипций. Они обеспечивают именование, но не обеспечивают логически безупречное выделение именуемого объекта из универсума и достаточно полное установление его индивидуальности, постоянно варьируют, в значительной мере зависят

от познавательных установок и возможностей конкретного носителя языка. В современной логике с таким пониманием собственных имен можно сопоставить предложение интерпретировать жесткие десигнаторы как скрытые эпистемические дескрипции, включающие много-однозначные отношения типа «знать как», «воспринимать как», одним из элементов которых является носитель языка, употребляющий собственное имя [35] (развитие последовательно гносеологической трактовки дескрипций, соотносимых с собственными именами, см. также в [36]). Если рассматривать дескрипции подобным образом, оказывается, что «признаковый» подход отчасти приложим и к местоимениям. Близко к такой их трактовке, например, развиваемое О. Н. Селиверстовой понимание местоимений как слов, задающих определенный «уровень характеристики» актантов ситуации [24].

То, что собственные имена обычно соотносятся с дескрипциями эпистемического типа, обусловлено очень тесной связью данных имен с речью, широким контекстом, отсутствием у них развитого узуального значения. Таким образом, определение референтной способности собственных имен не может быть чисто лингвистическим. В семантику единичного имени, в частности, не входит значение тождества (тождественности объекта самому себе). Допустив такую возможность, мы будем вынуждены трактовать случаи отнесения собственных имен не к тем объектам, к которым они должны прилагаться в данном социуме, как нарушения лингвистических правил. Подобный подход, однако, явно противоречил бы языковой интуиции. Собственные имена служат одним из средств идентификации предметов, но собственно лингвистические предпосылки этой их способности состоят главным образом в тяготении данных имен к обозначению единичных (по отношению к ситуации употребления имени) объектов. Характерно, что общепознавательный, концептуальный (а не чисто логический или лингвистический) характер процедуры отождествления, с которой связаны единичные термы, отмечается и в модальной логике (см., например [37]).

Заметим, что собственные имена естественного языка соотносятся главным образом с тем типом отождествления, которое осуществляется в «ветвящемся» потоке времени, элементы которого находятся в отношении временной последовательности. Темпоральная логика, однако, вполне допускает и существование «ветвящегося» времени, трактуемого как временной поток, каждая ветвь которого представляет собой возможное развитие событий [38]. Понимание возможных миров как альтернативных направлений событий, противопоставляемых последовательному течению времени, допущение «ветвления» и «слияния» индивидов широко представлены и в модально-логической семантике возможных миров. Временной поток в модальной логике трактуется со значительной долей идеализации, что отчасти обуславливает и идеализированную трактовку жесткого десигнатора, распространение единства его референции на все без исключения возможные миры. Здесь, видимо, и возникают расхождения между логическими «жесткими десигнаторами» и естественно-языковыми «собственными именами».

В данной статье мы детально не останавливались на вопросе о психологической реальности предложенной трактовки собственных имен. Особых возможностей для этого у нас и не было — психолингвистическое исследование собственного имени пока в широких масштабах не осуществлялось. Важно подчеркнуть, однако, что некоторые общие психологические особенности ряда типов опознания (отождествления), причем даже

опознания в рамках класса², обнаруживают определенное сходство с лингвистическими особенностями собственных имен, как они трактуются выше. Оpozнание может осуществляться не с помощью набора существенных (концептуальных, релевантных в психологическом смысле) признаков, а через целостный, единый признак объекта. Как отмечает М. С. Шехтер, в ряде случаев отличительные признаки «представляют собой не группы опознавательных свойств, а целостные, т. е. неразлагаемые на несколько опознавательных свойств, единицы» [6, с. 82]. Данные признаки, выполняя функцию отличия объекта от других, не являются постоянными и необходимо присущими идентифицируемым объектам.

Опознание по релевантным свойствам в психологии расценивается как гносеологически затруднительное и маловероятное для ряда случаев отождествления [39, с. 158—160]. Однако если даже опознание в рамках общего класса может осуществляться без помощи «существенных свойств», то тем менее вероятно участие таких признаков в отождествлении единичных объектов. По-видимому, в обыденном, не теоретическом познании индивидуализация (хотя и не являющаяся логически безупречной) осуществляется прежде всего через непостоянные опознавательные свойства.

Рассмотренный нами материал показывает, что современные модально-логические концепции референции, даже те (может быть, именно те), в которых значению в традиционном понимании уделяется мало места (теория Крипке), дают возможность более адекватно описать семантику собственных имен естественного языка, в частности, перейти в их трактовке от именной парадигмы «философии языка» к дектитической парадигме. Собственные имена, понимаемые как особые дектитические единицы, не перестают считаться именами. (Характерно, что в класс собственных имен входят только существительные или по крайней мере субстантивированные слова.) Однако все их следует рассматривать как не вполне типичные имена, обладающие многими свойствами другой универсально-семантической категории, категории эгоцентрических слов.

Как представляется, на роль наиболее типичных имен прежде всего может претендовать одна из основных категорий общего имени — имена естественных классов. Специфика таких существительных отчасти соответствует и определению именованного как указания (на основе такого понимания собственные имена иногда трактуются как имена по преимуществу [11, с. 15]), и трактовке именной парадигмы «философии языка» как семантической парадигмы [11, с. 5]. С одной стороны, значение имен естественных родов не членится на отдельные семантические компоненты — в связи с этим может создаваться впечатление, что данные имена обозначают объект «жестко», без помощи психологических концептов (ср. позицию Крипке). С другой стороны, имена естественных классов все же обладают общей, хотя и не признаковой семантикой: основу их значения составляет целостный чувственный образ объекта, в большинстве случаев обобщенный.

Собственные имена, таким образом, оказываются за пределами ядра класса имен (что вполне совместимо с тезисом об особом положении ономастической лексики в системе существительного). Однако именно это делает изучение собственного имени особо интересным, расширяет перспективы исследования данной категории.

² Проблема отождествления единичных объектов, так называемого «воспризнавания», не находится в центре внимания современной психологии [39, с. 6]. Поэтому мы обращаемся к данным о категориальном опознании.

1. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. Непокупный А. П. М., 1986.
2. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.
3. Руденко Д. И. Общее имя как явление естественного языка // ИАН СЛЯ. 1986, № 1.
4. Руденко Д. И. Имена естественных классов, собственные имена и имена номинальных классов в семантике естественного языка // ИАН СЛЯ. 1987, № 1.
5. Соболева Т. А., Суперанская А. В. Товарные знаки. М., 1986. С. 60—61.
6. Шехтер М. С. Психологические проблемы узнавания. М., 1971.
7. Лиепинь Э. К. Категориальные ориентации познания. Рига, 1986.
8. Ильин В. В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М., 1971. С. 85—86.
9. Гемеров В. Е. Понятие общего и логика индивидуального // Средства и факторы развития научного познания. Свердловск, 1986. С. 45—47.
10. Руденко Д. И. «Пустое имя» в логике и в семантике естественного языка // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки. Киев, 1986.
11. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985.
12. Локк Дж. Соч.: В 3-х т. Т. 1. М., 1985. С. 103.
13. Саяна Г. Д. Логическая форма и объект познания. Тбилиси, 1985. С. 64—65.
14. Левин Г. Д. Абстрактное и общее с логической точки зрения // Философские науки. 1976. № 1. С. 44—45.
15. Левин Г. Д. Проблема всеобщего в советской философской литературе // Философские науки. 1985. № 3. С. 141.
16. Kripke S. Naming and necessity // Semantics of natural language. Dordrecht, 1972.
17. Donnellan K. S. Speaking of nothing // Philosophical review. 1974. № 1.
18. Linsky L. Names and descriptions. Chicago, 1977. P. 42—48.
19. Пивоваров Д. В. О двух типах взаимосвязи общего и отдельного // Проблемы всеобщего в марксистской философии. Челябинск, 1982.
20. Kripke S. Naming and necessity. Oxford, 1980.
21. Putnam H. The meaning of «meanings» // Putnam H. Philosophical papers. V. 2. Cambridge, 1975. P. 242.
22. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967. С. 147.
23. Штелинг Д. А. Семантика оппозиций в системе местоимений // ИАН СЛЯ. 1983. № 5.
24. Елисеева А. Г., Селигерстова О. Н. Семантическая структура местоименного значения // ВЯ. 1987. № 1.
25. Суперанская А. В. Общая теория имен собственных. М., 1973. С. 65—66, 69—70, 74, 77, 81—82.
26. Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев, 1973. С. 27—28.
27. Schwarz S. P. Naming and referring: The semantics and pragmatics of singular terms. N. Y., 1979. P. XVI—XVII.
28. Монтегю Р. Универсальная грамматика // Семиотика и информатика. 1985. Вып. 26.
29. Целищев В. В. Онтологические и гносеологические аспекты понятия твердого десигнатора // Изв. СО АН СССР. 1977. № 1. С. 122.
30. Castañeda H.-N. On the philosophical foundations of the theory of communication: reference // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979. P. 133.
31. Kripke S. Speaker's reference and semantic reference // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
32. Donnellan K. S. Speaker reference, descriptions, and anaphora // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979. P. 28.
33. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
34. McKinsey M. Names and intentionality // Philosophical review. 1978. № 2.
35. Карпович В. Н. Некоторые традиционные проблемы в концепции твердых десигнаторов // Изв. СО АН СССР. 1977. № 1.
36. Schiffer S. Names and knowing // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
37. Хинтиikka Я. Семантика пропозициональных установок // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С. 89.
38. Ишмуратов А. Т. Логические теории временных контекстов. Киев, 1981. С. 28—32.
39. Шехтер М. С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. М., 1981.